

The illustration depicts a young boy in a dark blue captain's jacket leaning over the wooden railing of a ship's deck. He is reaching out towards a young girl in a blue pajama set with white stars, who is standing in her bedroom and looking up at him. The background is a vibrant, surreal scene with a yellow and orange sky, purple clouds, and several purple whales and dolphins swimming. The girl's room features a bed with purple bedding, two teddy bears on a white dresser, and a desk with a lamp. The overall style is whimsical and colorful.

РИТА ФЕНХЕЛЬ

**МОЁ ЧУДО
ЖИВЁТ
ПО СОСЕДСТВУ**

Рита Фенхель

Мое чудо живет по соседству

«Автор»

2026

Фенхель Р.

Мое чудо живет по соседству / Р. Фенхель — «Автор», 2026

У каждого ребёнка есть воображаемый друг. А у Лии он — настоящий. Ну, по крайней мере, для девочки уж точно. Ведь Ясури всегда рядом в трудную минуту. И не важно, в какой реальности для других он живет, потому что именно этот мальчик учит Лию не бояться темноты и видеть магию в обыденности. Но что делать, если окружающий мир становится жестоким, а сомнения заставляют поверить, что друг — лишь выдумка? Это история о борьбе за чудо. О том, как сохранить свой внутренний мир под давлением жестокой реальности. А также о том, как самая искренняя дружба однажды становится самой настоящей любовью. Кстати, а вы уверены, что ваши детские чудеса действительно были лишь фантазиями?

© Фенхель Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

История первая. Поезд	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Рита Фенхель

Мое чудо живет по соседству

История первая. Поезд

Остановка на станции длится пять минут. Начальник поезда в форменном тулупе — большой, усатый и важный — выходит на платформу и устало смотрит на умиротворяющую ночь. Снег серебрится аккуратно под большим станционным фонарем. Вдалеке виднеются очертания какого-то привокзального сарая, где, скорее всего, хранятся посылки, привезенные почтовыми составами. Начальник поезда достает из кармана тулупа кисет, вытаскивает оттуда щепотку табака и прячет бархатный мешочек обратно. Затем вынимает трубку и набивает ее, старательно утрамбовывая листья красными обветренными пальцами. Раскуривает. Прикрывает спичку своей громадной ладонью, так чтобы ветер не задул. Смакует мундштук во рту, причмокивая губами, как пони в парке аттракционов, когда ему даешь рафинад. Затягивается, а потом выпускает дым через ноздри. Теперь он похож на сказочного дракона, который стережет замок принцессы. Холодно. Минус двадцать восемь.

В купе темно, зябко и пахнет квашеной капустой, потому что этим вечером лопнула одна из банок с гостинцами. Все кругом спят. Только у Лии ни в одном глазу.

Маленькая и худенькая, она все время мерзнет. Поэтому кутается в свою лисью шубку. А ещё девочка слушает, как по вагону идет проводница. И представляет себе ее — высокую, стройную, кудрявую, в форме железнодорожных работников. «Все проводницы очень красивые» — думает Лия, и вытаскивая озябшие ручки из-под шубы, дышит на них. А потом она начинает представлять, что у той самой женщины, которую она вообразила до этого, есть семья: муж и дети. И при том ребятишек обязательно двое.

«В семье должно быть двое детей: брат и сестра. Сестра старшая, а брат младший, потому что мальчики должны уступать девочкам, особенно в таком важном вопросе, как рождение» — так рассуждает Лия, — «А еще их потому должно быть двое, чтобы они никогда не сучали. Одному так одиноко от того, что он никому не может сказать, что он очень одинок один. Вот, к примеру, захочется тебе с кем-нибудь поделиться тем, что леденец сладкий, а не с кем. Так никто и не попробует, и не узнает, какой вкусный сахарный петушок, особенно когда его принесли с мороза. Съешь ты свое лакомство один, и что толку? Все равно, что не было его, ведь не с кем потом вспомнить, как это — есть сахарных петушков, принесенных с мороза».

Состав издает громкий протяжный гудок. Начальник поезда сморкается, ворчит и неуклюже залезает в холодный вагон.

Лия свешивает ножки с нижней полки и тянется к запотевшему окошку. Она пытается проследить, как начнет свой путь поезд. Но девочке практически ничего не видно. Поэтому она утыкается носом в стекло. Только мир за окном словно бы окутан густым туманом. Лишь свет от станционного фонаря образует небольшое яркое пятно.

Посидев так несколько секунд и ничего толком не разглядев, девочка все же отстраняется. И тут замечает, что на запотевшей поверхности остается след в форме кончика ее носа. Лия трет этот отпечаток кулачком, пока округлость не становится размером с футбольный мяч. Затем девочка отклоняется чуть назад и деловито смотрит на проделанную работу.

А поезд уже набирает скорость и мчится. Мимо заснеженных полей. Мимо лесов и спящих под ночным покровом сёл. Протертый кружок на окошке все равно, что прорубь в пруду, и в нем плещутся темные силуэты деревьев. Вот появляется огонек, второй, третий — это какая-то маленькая деревенька. Но Лии представляется, будто это светлячки. Они то вверх, то вниз

— летят... летят себе в ночном просторе. И поезд мчится, мчится — чух-чух, чух-чух. И Лия раскачивается в такт ударам колес о стыки рельс.

— А ты знаешь, что если долго вглядываться в темноту, то темнота однажды ответит тебе тем же? — раздаётся голос над самым ее ухом.

Лия непроизвольно зажмуривается. Ясури, умиляясь доверчивости подруги, с улыбкой уточняет:

— Да это же просто выражение такое. Неужели, поверила?

Девочка, насупившись и скрестив руки на груди в замок, начинает настойчиво смотреть в ночь. Не моргая. До рези в глазах.

— Эй, ты что, обиделась? — друг пытается заглянуть в лицо Лии, но та отворачивается.

За окном плывет лес. Они вдвоем молчат и смотрят на его волны в темном кружке-про-рубви. Слышно, как на другом конце вагона открылась дверь купе. Наверное, кто-то из пассажиров вышел в тамбур.

— Скажи, разве интересно обижаться? — Ясури не выдерживает долгого молчания.

Но девочка не отвечает.

— Ты сейчас похожа на утку, — слегка задумчиво произносит мальчик.

Лия недовольно ведет плечом.

— Утка, а ну-ка скажи кря-кря, ну, скажи кря-кря, ну, давай. Кря-кря.

Девочка поворачивается к другу и показывает ему язык, после чего тут же устремляет взгляд обратно в окно.

— Нет, утки так не делают, — со знанием дела заявляет мальчик. — Они смешно переступают с лапки на лапку, хлопают крыльями и обязательно крякают.

Лия представляет все это и пытается подавить внезапный смешок.

— Ага, попалась. Я видел, как ты улыбнулась, — уловив этот момент, радуется Ясури

— А вот и нет.

— А вот и да.

— А вот и нет, — продолжает спорить девочка. Но вдруг понимает, что не права. И поэтому хмурится, не говоря больше ни слова.

Мальчик тоже замолкает, не зная, как еще развеселить подругу, и смотрит куда-то в слегка синеватую темноту купе. Но спустя минуту раздумий, он решает подойти к этому вопросу с другой стороны.

— Ты еще не разобиделась? — толкая девочку плечом в плечо, спрашивает Ясури.

— Нет.

— А сейчас? — спустя несколько секунд повторяется мальчик.

— Нет.

— А сейчас?

— Не спрашивай. Ты мешаешь мне обижаться.

— Хорошо, — Ясури прикусывает губу и чуть помолчав, заявляет. — Раз ты не собираешься разобижаться, тогда я тоже на тебя обиделся.

— А это еще почему? — удивлённо возмущается Лия, моментально поворачиваясь к другу лицом.

— Ради справедливости, — с гордостью отвечает тот.

— И за что же ты на меня обиделся? — удивляется девочка, глядя Ясури в глаза.

— Я обиделся на тебя за то, что ты обиделась на меня за то, что... Кстати, за что ты на меня обиделась?

Лия грустно вздыхает:

— Ты, как взрослые, сказал небылицу. Они тоже говорят, что можно, а что нельзя. И что бывает если сделать то, чего делать нельзя. И, в итоге, им веришь, а потом оказывается, что они соврали.

— Ну прости, - друг в замешательстве ерошит волосы на затылке, — Я ведь просто ляпнул первое, что пришло в голову. К тому же, некоторые небылицы очень даже полезны.

— Да, и чем же? — девочка смотрит на Ясури с неким недоверием.

— Чем? Дай-ка подумать... О, например, сказки! Это же тоже небылицы, но они учат нас чему-то доброму. Или басни. А ещё былины и легенды. Все они нужны для того, чтобы рассказать о чем-то важном. Да даже воображая что-то, ты уже создаешь полезную небылицу!

— Это как же?

— А так, — воодушевленно принимается объяснять мальчик. — Смотри, когда мы что-то воображаем, то этого как бы сначала нет. Верно? Но потом оно появляется. Пусть только в мыслях. Но все же. А если долго-долго воображать и верить в это, то воображаемое оживает. И небылица становится настоящим. Понимаешь? Поэтому воображать надо всегда что-нибудь хорошее.

Друг так вдохновенно говорит, что Лия непроизвольно заслушивается его. Но тут же, словно вспоминая нечто неприятное, сердито фыркает:

— Только пока воображаешь и веришь в это, все считают тебя дурачком. Вон, даже ты усмехнулся, что я зажмурилась, когда услышала про темноту.

Ясури хмурится, правда, наигранно, только чтобы подчеркнуть важность своих слов:

— Ну, знаешь ли, теперь уже в пору мне обижаться по-настоящему.

— С чего это? — искренне возмущается Лия.

— С того, что я не усмехался. А... — мальчик отсекается, смущаясь своих чувств. Но тут же собирается с мыслями и продолжает, — Так. Не знаю кто кого кем считает, но я люблю, когда люди верят в то, что воображают.

— Почему?

— Потому что, мне кажется, будто именно так рождается волшебство.

— Правда?

— Конечно!

— Ну тогда я разобиделась, — немного подумав, улыбается Лия и кладет голову другу на плечо.

Дети молчат. В купе по-прежнему темно и слышно только, как ровно дышат спящие взрослые. А состав едет, оставляя позади снежные просторы. Кружок-прорубь постепенно начинает запотевать вновь, становясь все меньше, но в него все еще видны пролетающие мимо деревеньки с их огоньками-светлячками.

— Сколько там домиков, — задумавшись, говорит девочка. - И во всех этих домиках живут люди. В каких-то много людей, а в каких-то всего один человек. Ясури, как ты думаешь, такое может быть, чтобы человек был совсем один?

— Думаю, что может. Все люди одиноки, только каждый из них по-своему.

— Но ведь это так грустно.

— Да, грустно, — соглашается мальчик.

— И неправильно, совсем неправильно, - Лия расстроено обхватывает колени руками. — Так быть не должно. Надо что-нибудь придумать, — и тут она внезапно хватается друга за руку и крепко ее сжимает, так крепко, что у нее у самой начинают болеть пальцы. — Я знаю, что мы сделаем. А давай, мы его вообразим, того человека, что живет в доме один? Мы его вообразим, и он нас тоже вообразит в ответ. И это будет словно мысленно махать друг другу. А когда мы его вообразим, а он вообразит нас, то будет уже не один, потому что мы ведь тоже его воображаем, а, значит, что мы окажемся с ним рядом.

— Знаешь, а это отличная идея! — соглашается Ясури.

Они ложатся на полку, обнявшись, положив головы на подушку и укрывшись пледом. И придумывают.

— Он любит молоко, — воодушевленно произносит Лия.

— А еще он любит орехи.

— И у него холодные руки, потому что у всех одиноких людей холодные руки, потому что их некому согреть...

...И состав все мчится. Мчится. Сквозь снежные бураны. Сквозь ветра. Мимо поселков и городов. Мимо лесов и полей. Куда-то в ночную неизвестность.

Кружок-прорубь полностью запотел. А они все придумывают и придумывают.

— И теперь он не один. — говорит девочка, зевая.

А где-то в своем купе начальник поезда сидит у печки и потирает ладонь о ладонь, чтобы согреть замерзшие руки. И думает о том, что не одинок, хотя бы потому, что где-то тоже есть такой же одинокий человек, как он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.